

Ночь прошла, точно тягучий весенний сон.

Рассыпанные, перепутанные пряди длинных волос, широкая грудь, к которой я прижимался, ощущая мерный, сильный стук сердца, и тяжелое дыхание над самым ухом. Влажный воздух едва заметно касался кожи — щекотно, но совсем не противно.

Утренний ветерок мягко оборвал мои грезы, но сонливость еще не прошла. Солнце немного слепило; лучи пробивались сквозь густую листву, рассыпаясь по земле дрожащими пятнами света.

Снаружи было тихо и в то же время непривычно оживленно.

Ветви мерно покачивались, шелестя листвой, доносились крики птиц, а небо над головой сияло безупречной лазурью. Ясный, погожий день.

Вдруг тот, кто всё еще спал, крепче обхватил меня за плечи и притянул к себе. Я нахмурился и, лукаво усмехнувшись, ущипнул его за нос. Он вздрогнул и медленно открыл глаза.

Взгляд его, тихий и чистый, точно застывшая вода, замер на мне. Мо Чэ всё ещё смущённо покраснел.

Я начал медленно подниматься. Несмотря на то что ночью он был очень нежен, я всё еще чувствовал тупую боль. Заметив, что я морщусь, Мо Чэ осторожно приобнял меня за талию и с тревогой спросил:

— Очень больно?

От такого прямого вопроса я вспыхнул. Я изо всех сил оттолкнул его в сторону и, не смея поднять взгляд, крикнул, пытаясь скрыть смущение:

— Естественно! Кому же еще болеть, если не мне? Я хочу помыться, так что живо иди руби дрова и грей воду!

***

Пока я мылся, Мо Чэ застыл рядом, не сводя с меня глаз.

Я недовольно обернулся и швырнул в него влажное полотенце.

— Ты... ты что, никогда не видел, как люди моются? Чего застыл?! — выпалил я, чувствуя, как от стыда я дрожу.

Поймав полотенце, Мо Чэ на мгновение замешкался, но не ушел. Напротив, он подошел ближе, смочил ткань в воде и принялся медленно растирать мне спину.

Я не стал его отгонять, но проворчал:

— Ты что творишь?

— Спину тру, — коротко отозвался он.

Я поджал губы, разглядывая свои пальцы, побелевшие от горячей воды.

— Это я и сам вижу, — тихо сказал я. — Я имею в виду... почему ты это делаешь?

— Потому что хочу, — ответил он.

Он осторожно перекинул мои намокшие волосы вперед. Он уверенно и мягко водил пальцами по спине; это было приятно.

Глядя на круги на воде, я невольно улыбнулся своему отражению. Там, в колышущейся поверхности, дрожали два наших силуэта.

Вдруг я спросил, обращаясь к тени в воде:

— Чэ... а если бы я нарушил небесные законы и меня сослали в мир смертных обычным человеком... Как думаешь, что бы со мной стало?

—... — Он промолчал.

Я принялся лениво водить пальцем по воде, пуская волны.

— Один человек сказал мне, что судьба моя будет горькой. Настолько, что на это больно будет смотреть.

Я зачерпнул пригоршню прозрачной, туманной воды.

— Иногда я думаю: если бы я тогда честно отправился на перерождение, кем бы я стал теперь? Но если бы не моё упрямство и череда случайностей, я бы никогда не оказался здесь.

Порыв ветра уронил в чан зеленый листок.

— Моё перерождение здесь, — я усмехнулся, поймал лист и отпустил его обратно в воду. — Пока я считал себя небожителем, я всегда так думал. Но сейчас... кажется, это уже не так.

Мо Чэ на миг замер, но не проронил ни слова, продолжая растирать мне плечи.

— За эти дни я встретил старого знакомого. Он сказал, что из-за случайного попадания в этот мир, несмотря на оставшуюся бессмертную кость, я теперь практически простой смертный... А потом я подумал: раз уж я не переродился, то и смысла нет искать то, чего не существует.

Полотенце выскользнуло из его рук. Мо Чэ внезапно обхватил меня сзади, брызги полетели в разные стороны. Он крепко сжал мои плечи, и я кожей почувствовал его горячее, прерывистое дыхание.

— Что такое? — я накрыл его руки своей ладонью и тихо рассмеялся.

Объятия стали еще крепче. Капли воды гулко падали обратно в чан, а по поверхности расходились круги. Прошло немало времени, прежде чем раздался его хриплый голос:

— Не уходи.

Я не выдержал и снова рассмеялся. Посмотрев на него искоса, я пребольно ущипнул его за нос, притворяясь рассерженным:

— Кто сказал, что я ухожу? Ты, этот котелок невозмутимый, использовал меня, и теперь я просто так от тебя не отстану! Раз уж я смертный и идти мне некуда, я к тебе прилипну. Буду жить за твой счет, есть и пить вдоволь, чтобы ты вовек не смог от меня избавиться!

— Лянь, — он снова сжал руки и густо покраснел.

— Что «Лянь»? Ты согласен или нет?! — я нарочно потянул его за щеку, требуя ответа.

Я знал, что он не мастер говорить. Я не был уверен, правильно ли поступаю, и в душе надежда боролась с тревогой. Но мне отчаянно хотелось услышать эти слова. Услышать, что он согласен.

Словно припертый к стенке, Мо Чэ опустил глаза. Он смущенно затрепетал ресницами и так сильно покраснел, что, казалось, от него исходит жар.

— Да, — тихо выдохнул он.

— Что это значит — «да»? — я притворно возмутился, повысив голос. — Ты что, просто

отмахиваешься от меня? Почему отвечаешь так неохотно? Ты...

Он осторожно перехватил мой подбородок и поцелуем оборвал поток моего ворчания. Когда я наконец затих и успокоился, он отстранился. Он продолжал нежно поглаживать мою щеку, а темные глаза сияли, точно звезды в ясную ночь.

— Я согласен.

Смертные верят словам, потому что слова дают им опору. Каким бы трудным и недостижимым ни казался путь, стоит произнести одну фразу — фразу, которая укрепит решимость, — и человек сможет поверить в свой выбор и никогда не пожалеет о нем.

Я подумал, что если человеку суждено запомнить лишь одну фразу за всю жизнь, то эти три слова я не забуду никогда.

***

Когда мы с Мо Чэ покидали горы, небо снова окрасилось закатным золотом.

Вершины, окутанные дымкой, сияли в лучах заходящего солнца, и на наших одеждах дрожали золотистые блики. Мо Чэ шел очень медленно, подстраиваясь под мой шаг. Сначала он хотел нести меня на руках до самого подножия, но я не позволил — это было бы слишком унижительно. Тогда он просто крепко взял меня за руку; его ладонь была привычно теплой.

— Почему все решили перебраться в городок Ванху? — спрашивал я, то и дело оглядываясь на исчезающую вдаль крепость Байхуэй. Без нас она казалась совсем заброшенной.

— Барьер разрушен, в прошлый раз погибло много людей, — голос Мо Чэ звучал глухо и печально. — На горе больше не безопасно. Старейшина Ху распорядился, чтобы все выжившие спустились вниз и поселились в Ванху.

— Тебе... очень грустно.

— Те, кто мне дорог, всегда уходят рано, — он понурил голову. — Так было с учителем, так было с братьями и сестрами в школе Умин... И сейчас всё повторилось.

Я сердито ущипнул его за руку.

— Что за чушь ты несешь? Я же здесь, рядом с тобой. Ты что, смерти моей хочешь?

Он вздрогнул от боли и тут же испуганно затряс головой:

— Нет... нет, я не это имел в виду!

— Хм.

Не слушая его оправданий, я вырвал руку и зашагал вперед. Но стоило мне сделать резкое движение, как я почувствовал сильную боль. Я застыл на месте, вцепившись в одежду, и покрылся холодным потом.

Он тут же подскочил ко мне и встревоженно спросил:

— Что случилось? Где болит?

Я яростно обернулся и со всей силы стукнул его кулаком в грудь.

— Если и болит, то только по твоей вине! — выкрикнул я.

Мо Чэ замер, покорно принимая мои удары. Он лишь крепко держал меня за руку и молчал.

Глядя на его виноватый вид, я злился еще сильнее, но в то же время понимал, что не могу на него долго обижаться. В конце концов, я вздохнул и прижался лицом к его груди.

— Ну чего ты так сжался? Я же просто шучу.

Мо Чэ был слишком осторожен с людьми. Любое прикосновение, любое слово — он всегда боялся сделать что-то не так, поэтому предпочитал молчать, держа всё в себе.

Я же был его полной противоположностью: не умел держать язык за зубами, часто совершал глупости, но зато и не копил в сердце обид.

Разве что... Мо Чэ, хоть и обещал со мной разговаривать, иногда всё же мрачнел от моих случайных резких слов, и видеть его таким было невыносимо.

— Впредь не говори глупостей, мне это не нравится, — пробурчал я. Я немного отстранился, взглянул на небо и потянул его за собой. — Скоро совсем стемнеет, идем скорее!

Но не успел я сделать и пары шагов, как снова почувствовал боль. На этот раз Мо Чэ не стал слушать возражений: он просто подхватил меня на руки.

— Я понесу тебя, не шевелись, — твердо сказал он.

Я опешил, но сопротивляться не стал. Просто прислонился головой к его груди.

Рядом с ним мне было спокойно. Я ухватился за его ворот и закрыл глаза, слушая, как ветер шелестит листвой.

Вскоре мы добрались до дома Ху Лая в городке Ванху. Хозяин и его жена как раз закончили готовить ужин. Я, успевший изрядно проголодаться, без лишних слов схватил палочки и принялся за еду.

Наевшись до отвала, я довольно похлопал себя по животу. Подняв глаза, я заметил, что все смотрят на меня как-то странно — в их взглядах читалась неприкрытая двусмысленность.

Я хотел было спросить, в чем дело, но почувствовал щекотку у губ. Оказалось, Мо Чэ на глазах у всех подался вперед и слизнул рисинку, прилипшую к моему лицу. Он вел себя так естественно, будто в этом не было ничего особенного.

Я же так не мог. Резко вскочив, я направился к выходу, но Мо Чэ успел перехватить мою руку.

Вываться не удалось, а под любопытными взглядами окружающих мне стало совсем не по себе. Я обернулся:

— Я просто пойду во двор, подышу воздухом.

Услышав это, он тоже начал подниматься, явно намереваясь пойти следом.

Видя, что он совершенно не понимает намеков, я почувствовал, как голова закипает от гнева и смущения. Я горел от стыда, точно на сковороде.

К счастью, в этот момент Ху Лай окликнул Мо Чэ, сказав, что нужно обсудить дела.

Для меня это стало спасением. Я натянуто улыбнулся:

— Вот видишь, тебя зовут. Я один схожу.

Он долго всматривался в моё лицо, прежде чем медленно разжать пальцы.

— Не уходи далеко, я скоро найду тебя.

— Хорошо-хорошо, не уйду, — я поспешил согласиться, лишь бы он меня выпустил.

***

На улице совсем стемнело. Я нашел тихий, укромный уголок в маленьком дворике лечебницы, заваленном целебными травами. Присев на корточки, я погрузился в свои невеселые мысли.

«Мо Чэ обычно такой скромник, так почему же при людях он так спокойно... лизнул меня? И взгляд такой, будто так и должно быть!»

Но больше всего меня злило собственное поведение. Почему я так занервничал? По сравнению с невозмутимым Мо Чэ я выглядел так, будто у меня нечиста совесть.

Пока я терзал себя этими мыслями, в углу склада лекарств мелькнул свет. Я отряхнулся и пошел посмотреть, кто там.

При тусклом свете лампы кто-то сосредоточенно толк лекарства.

Видимо, я неосторожно шумел, потому что мерный стук прекратился. Цинь Хуань повернул голову в сторону темноты, где стоял я:

— Заходи.

Раз уж меня обнаружили, пришлось войти.

В комнате я увидел Цинь Хуаня, окруженного грудой книг. Заметив меня, он несказанно удивился и лишь через мгновение выговорил:

— Сяо Байлянь? Как ты здесь оказался?..

Я без стеснения уселся рядом и вкратце рассказал, как злобные сестры выставили меня вон. Он молча слушал, не прекращая работы.

Закончив рассказ, я горько усмехнулся:

— Повезло, что я им надоел, а то бы точно зажарили живьем или в масле сварили.

Цинь Хуань поднял голову и коротко кивнул:

— Хорошо, что вернулся.

И снова это выражение лица — вежливое, но бесконечно далекое.

Я сидел рядом, подперев голову рукой. Прошло немало времени, прежде чем Цинь Хуань отложил ступку и негромко произнес:

— Сяо Байлянь... В прошлый раз ты ведь всё слышал, верно?

Огонек свечи дрожал, отражаясь в его глазах, в которых невозможно было прочесть ни радости, ни печали. Я отвел взгляд и принялся болтать ногами.

— Слышал, — честно признался я.

Он промолчал.

Я хлопнул его по плечу и криво усмехнулся:

— Помнится, когда ты в прошлый раз стащил мои яйца, ты обещал мне всё возместить. Раз уж мы заговорили об этом, я вспомнил. Когда угощать-то будешь?

Цинь Хуань ошеломленно уставился на меня, и в его глазах вспыхнул живой огонек.

Я притворно нахмурился и потискал его за щеку:

— Ты что, решил долг не возвращать, мелкий?

Он долго молчал, прежде чем он наконец слабо и облегченно улыбнулся. Он вернулся к своим травмам и негромко рассмеялся:

— Неужели я похож на того, кто обманывает?

Я прикусил губу, окинул его оценивающим взглядом с ног до головы и серьезно кивнул:

— Очень похож.

Цинь Хуань удивился и бросился ко мне, пытаясь поймать, но я вовремя увернулся. Правда, в спешке я зацепился за ножку кровати и чуть не растянулся на полу.

Мы переглянулись, осознав, какими дураками сейчас выйдем, и разразились громким смехом.

Сколько в этом смехе было искренности, а сколько притворства — никто не знал, да и незачем было знать.

Часто ложь — это не обман, а лишь способ уберечь другого от боли. В конце концов, на свете мало тех, кто может вот так просто посмеяться над старыми обидами.

Порой самое доброе, что можно сделать, — это промолчать.

Что бы ни случилось в прошлом, у каждого бывают минуты слабости или ошибок. Не стоит ворошить чужие тайны и тем более насмехаться над ними. Ведь в прошлом — или в будущем — каждый из нас может оказаться в таком же беспомощном и постыдном положении. Пусть мы не всегда можем протянуть руку помощи, но мы обязаны дать человеку право на тишину. Закрывать глаза на его уязвимость, не заметить комок в горле.

Возможно, это не исцелит рану, но по крайней мере даст человеку пространство, чтобы просто вздохнуть. Даст ему право сохранить свою тайну и уберечь то горькое и постыдное, чем он не готов делиться ни с кем. Этого вполне достаточно.

<http://bllate.org/book/17534/1705374>